

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

«Допустить к защите»

Руководитель сектора философии российской истории,
Гл.н.с., д.ф.н., профессор Кара-Мурза Алексей Алексеевич

(подпись)

« ____ » _____ 20__ г.

Кочеров Олег Сергеевич

**НАУЧНЫЙ ДОКЛАД
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ**

«Философско-культурные основания геополитики КНР»

по направлению 41.06.01 Политические науки и регионоведение
направленности (профилю)

42.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и
регионального развития

Научный руководитель:

д.филос.н., проф., гл.н.с. сектора восточных философий Степанянц Мариэтта Тиграновна

Рецензенты

учёная степень, учёное звание, должность, Ф.И.О. полностью

учёная степень, учёное звание, должность, Ф.И.О. полностью

Дата защиты:

« ____ » _____ 20__ г.

Оценка: _____

Протокол ГЭК № ____ от _____ 20__ г.

Москва, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

1. Методологические пояснения к анализу философско-культурных оснований геополитики
2. Формирование философско-культурных оснований китайской геополитики в эпохи Шан и Чжоу
 - 2.1. Древнекитайская политическая легитимность: Небесный Мандат и институт «история-политика»
 - 2.2. Анархия межгосударственных отношений эпохи Восточная Чжоу как стимул возникновения ключевых политико-философских учений
 - 2.3. Традиционные китайские геокультурные воззрения: хуася и варвары
 - 2.4. Древнекитайская этика и практика войны
3. Парадигмы китайской стратегической культуры
 - 3.1. Китайская философия как кузница китайской стратегической культуры
 - 3.1.1. Китайская философия: общая характеристика и проблематика рациональности
 - 3.1.2. Конфуцианство: мягкая сила самоизоляции
 - 3.1.3. Моизм: общий выигрыш оборонительного пацифизма
 - 3.1.4. Легизм: милитаристский разрыв с раннекитайским гуманизмом
 - 3.2. Игра вэйци: модель принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом пространстве
4. Стратегические парадигмы в современной внешнеполитической деятельности КНР
 - 4.1. Легистская парадигма: профилактика возникновения «нового варварства» и утраты Небесного Мандата

- 4.2. Моистская парадигма: активная оборона новых рубежей
- 4.3. Конфуцианская парадигма: недописанное послание Китая миру
- 4.4. Парадигма вэйци: партнёрство в век геополитической неопределённости

Заключение

Список использованной литературы

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Актуальность проблемы обусловлена, с одной стороны, повышением удельного веса КНР в мирополитических процессах на современном постбиполярном этапе, её противостоянием американской модели мирового порядка и несогласием с принятием западнцентричной политической философии и теории международных отношений как универсальной, стремлением к опоре на традиционные китайские философско-культурные концепты при разработке внешнеполитической доктрины; с другой стороны – недостаточной разработанностью рассматриваемых проблем в научной литературе, что обусловлено их относительной новизной.

Во-первых, хотя в теории международных отношений достигнут консенсус относительно важности изучения влияния культуры страны и идентичности на её внешнюю политику, изучение стратегической культуры в её современном понимании началось лишь в 90-е гг. прошлого века. До сих пор слабо изучена структура стратегической культуры и влияние на неё традиционных философских представлений, мало разработана проблема её диахронического развития, недостаточно исследований в области сравнения разных стратегических культур. В то же время динамика современных мирополитических процессов и включение в них всё большего числа акторов, руководствующихся в своих решениях близкой им стратегической культурой, свидетельствует о необходимости более тщательного анализа этого понятия. Для России особенно актуальным изучение китайской стратегической культуры представляется в свете динамики отношений в треугольнике Китай-Россия-США, а также в связи с необходимостью лучшего понимания важнейшего российского соседа для расширения многоуровневого сотрудничества и преодоления традиционных трудностей (например, представления о «жёлтой угрозе»).

Во-вторых, изучение китайской стратегической культуры особенно важно в связи с тем, что большинство исследований на эту тему повторяют тезис о существовании лишь двух парадигм в китайской стратегической мысли. Впервые эта идея была высказана А. Джонстоном в его работе «Культурный реализм»¹, написанной в 90-е гг., после чего дискуссия велась по большей части лишь о соотношении этих двух парадигм в тот или иной период или в китайской истории в целом. Тем не менее, сведение китайской стратегической культуры лишь к двум парадигмам представляется чрезмерным упрощением китайской политической мысли и геокультурной картины мира, приводящим к значительному искажению понимания намерений китайской стороны. Таким образом, существует объективная необходимость пересмотра изначального тезиса о наличии лишь двух парадигм в китайской стратегической культуре, для чего необходимо обращение к богатой китайской философской традиции, а также к иным источникам китайской стратегии.

В-третьих, хотя игрофикация социальных процессов – не новое явление, его исследование началось лишь в 2010-х в связи с распространением компьютерных технологий. В большинстве случаев изучается лишь педагогический аспект игрофикации, т.е. применение игровых методов для повышения эффективности обучения, и практически игнорируется другой аспект – влияние игры на человеческую деятельность. Исследование того, какое воздействие игра оказывает на разные стратегические культуры, как область игрового вторгается в область политического и формирует стратегию, представляет значимость для социологии международных отношений. Особенно важно в этом плане изучение взаимосвязи между игрой и той культурой, которая её породила. В частности, игра вэйци представляет собой модель принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом

¹ Johnston A. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton: Princeton University Press, 1997. 322 p.

пространстве, что обуславливает её значимость для анализа китайской внешнеполитической стратегии.

Степень разработанности проблемы. Диссертационное исследование выполнено в рамках социологии международных отношений и, в частности, конструктивистского подхода, разработанного в трудах таких исследователей, как А. Вендт, Т. Бирстекер, Э. Саид, Н. Онуф, М. Барнетт, М. Финнемор, Дж. Энн Тикнер, а также с учётом идей неоклассического реализма, представленного в работах Ф. Закарии, Г. Роуза, Р. Джервиса. Безусловно фундаментальную роль играют и исследования в рамках цивилизационного подхода – О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Данилевского, К. Леонтьева, С. Хантингтона К. Куигли.

При написании работы использованы и труды корифеев российской теории международных отношений – А.Д. Богатурова, А.В. Торкунова, А.П. Цыганкова, М.М. Лебедевой, Т.А. Алексеевой, А.И. Уткина, Д.В. Тренина, И.Н. Панарина, а также зарубежных политических исследователей – З. Бжезинского, Н. Хомского, Э. Люттвака, А. Уолферса, Ф. Фукуямы.

Теория стратегической культуры изучалась в работах таких авторов, как К. Грей, К. Даек, Р. Пайпс, К. Бут, Б. Були, Дж. Снайдер, Дж. Линн, Д. Джонс, А.Т. Алексеева, М.И. Рыхтик. Китайская стратегическая культура выступала объектом изучения А. Джонстона, Хуэйюнь Фэн, Э. Скобелла, Тецзюнь Чжана, М. Бёрлса, Юань Кан Вана, А.С. Мартынова, Ю.Л. Кроля.

Важную роль в написании настоящей работы сыграли материалы экспертов в области древнекитайской политической истории: М.Ю. Ульянова, Л.С. Васильева, С.И. Блюмхена, М.С. Хаютиной, Г.С. Поповой, С. Аллан, Дж. Хендерсона, Ч. Гуанчжи, Ю. Пинеса, М. Лоуи, М. Гране, Э. Шонеси, М. Льюиса, Д. Китли, Фань Вэнь-лань, Дж. Фэйрбэнк.

Огромный пласт исследовательских материалов создан в области древнекитайской философии, в частности, философии политической. Это

работы Л.С. Переломова, М.В. Крюкова, Л.С. Васильева, А.И. Кобзева, В.Г. Булова, С.Ю. Рыкова; среди зарубежных учёных – Р. Эймса, К. Фрэйзера, Ду Вэймина, Э. Грэма, Дж. Легга.

Отдельно стоит упомянуть “summa sinologiae” отечественной мысли – монументальные компиляции «Духовная культура Китая» под редакцией М.Л. Титаренко, А.И. Кобзева и А.Е. Лукьянова, «Древний Китай» Л.С. Васильева и «История Китая с древнейших времён до начала XXI века» под редакцией С.Л. Тихвинского, а среди западной литературы – Кембриджскую историю Китая.

Современная китайская стратегия также представлена во многих работах отечественных и зарубежных исследователей: В. Лукина, К.Л. Сыроежкина, А.В. Ломанова, Б.В. Кашина, В.Я. Портякова, М.Л. Титаренко, Е.Н. Грачикова, П.Б. Каменнова, Г. Киссинджера, С. Ширк, Я. Сюэтуна, Д. Белла, Д. Шамбо.

Наконец, немногочисленную, но важнейшую часть материалов, использованных при написании диссертационного исследования, составили опыты анализа вэйци как модели китайской геополитики в работах С. Бурмана, Д. Лая, А. Вувинга, Чжунци Пана, Г. Киссинджера. Нельзя также не упомянуть разносторонние исследования вэйци как манифестации китайской культуры, проведённые П. Шотвеллом, П. Заноном, Д. Поттером, А. Смитом, Ма Сяочуном. Наконец, это работы по философии игры Й. Хёйзинга, Р. Кайуа, К. Акселоса, О. Финка.

В то же время следует отметить, что не существует комплексных исследований, связывавших бы изучение китайской стратегической культуры одновременно с геокультурными воззрениями, представлениями об этике войны и политической легитимностью.

Объект и предмет исследования. В качестве *объекта исследования* выступает внешнеполитическая деятельность КНР. *Предметом исследования*

является китайская стратегическая культура как структура, сформированная в конкретный исторический период (Восточная Чжоу, VIII-III вв. до н.э.) и оказывающая воздействие на принятие геополитических решений.

Цели и задачи исследования. *Целью* диссертационного исследования является изучение китайской стратегической культуры как многоуровневой системы, сформированной в эпоху Восточная Чжоу и представленной китайскими взглядами на универсум и место китайской цивилизации в нём (геокультурный уровень), взаимоотношениями с «другим» (дипломатико-военный уровень) и механизме, легитимирующем эти процессы (уровень политической легитимности) и оказывающей влияние на внешнеполитический курс, проводимый КНР.

В соответствии с целью диссертационного исследования в работе поставлены следующие *задачи*:

- проанализировать специфику и проблематику понятия «стратегическая культура», провести анализ существующих исследований китайской стратегической культуры и выявить их недостатки, обосновать применение трёхэлементной модели стратегической культуры и обращение к «игровой геополитике» при анализе стратегической культуры;

- рассмотреть исторический фон формирования культурно-философских оснований китайской внешней политики, изучить специфику древнейших представлений об окружающем пространстве, взаимоотношениях с иными культурами, этике войны, проследить преемственность этих представлений от момента их формирования до закрепления в китайской философской традиции;

- провести анализ древнекитайских философских трактатов, изучить внешнеполитические идеи китайских мыслителей в соответствии с рассматриваемыми уровнями стратегической культуры, выявить общее и частное в понимании стратегического;

- рассмотреть китайскую интеллектуальную игру вэйци как важный фактор, определяющий китайскую стратегическую культуру, раскрыть её связь с китайскими геокультурными представлениями и китайской философской традицией, проанализировать взаимоотношения между китайскими политическими деятелями и игрой вэйци в диахроническом ключе, продемонстрировать значимость игрового элемента в китайской культуре;

- выявить основные парадигмы китайской стратегической культуры, определить их характеристики, рассмотреть сильные и слабые стороны, причины обращения к ним, степень их применения в современной китайской внешней политике.

Методология и методы исследования. В настоящей работе применяются следующие методы, используемые в теории международных отношений: методы анализа ситуации (наблюдение, изучение документов, сравнение), контент-анализ, прогностические методы (системный подход). В особенности следует отметить обращение к такому методу, как моделирование: игра вэйци рассматривается в исследовании в качестве аналоговой модели китайской геополитической картины мира. С другой стороны, поскольку работа тесно связана с философией, в ней также применяются и соответствующие методы философского исследования: диалектический, герменевтический, прагматический, метод моделирования, а также общелогические методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия).

В качестве материала диссертационного исследования выступают, с одной стороны, древнекитайские философские трактаты, главное внимание среди которых уделяется трудам основоположников конфуцианства («Лунь Юй», «Мэн-цзы»²), моизма («Мо-цзы»³) и легизма («Шан цзюнь шу»⁴, «Хань

² Конфуцианское четверокнижие «Сы Шу»: китайский классический канон в русских переводах / отв. ред. Л.С. Переломов. М.: Вост. лит., 2004. 431 с.

Фэй-цзы»⁵). Тем не менее, привлекаются и другие исторические и философские источники – «Шан шу»⁶, «Го юй»⁷, «Ши цзи»⁸ и т.д.. Отдельно стоит отметить такой специфический трактат, как «Цицзин шисаньпянь»⁹, посвящённый игре вэйци и её связи с китайской философской традицией. С другой стороны, в качестве материала также выступают труды политических лидеров Китая XX и XXI в.: Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Си Цзиньпина, Лю Шаоци а также других представителей китайской политической элиты.

Цели, задачи и методы исследования были заданы в соответствие с основной **гипотезой** работы, которую можно сформулировать следующим образом: несмотря на историческое доминирование конфуцианского способа бытийствования в имперском Китае, китайская стратегическая культура имеет значительно более сложную структуру, чем бинарная дихотомия, представленная в работе А. Джонстона, и раскрытие этой структуры может быть осуществлено при помощи обращения к древнекитайским философским течениям, военным трактатам и игре вэйци.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

1. Проведён комплексный структурно-уровневый анализ понятия «стратегическая культура» на материале китайской внешнеполитической традиции сквозь призму этики войны,

³ Сунь Ижан. Мо-цзы цзянь гу [Доступное толкование Мо-цзы]. Пекин: Чжунхуа шущю, 2001. 762 с.

⁴ Книга правителя области Шан (Шан Цзюнь Шу) / пер. с кит. Л.С. Переломова. М.: Ладомир, 1993. 392 с.

⁵ Иванов А. И. Материалы по китайской философии. Введение: Школа Фа. Хань Фэй-цзы. СПб: Издание Факультета восточных языков ИСПБУ, 1912. 354 с.

⁶ Цзян Хао, Цянь Цзунъю. Цзинь гувэнь Шан шу цюань и [Современный полный перевод классической Книги документов]. Гуйчжоу жэнминь чубаньшэ, 2009. 371 с.

⁷ Го юй (Речи царств) / пер. с кит. В.С. Таскина. М.: Наука-Восточная литература, 1987. 472 с.

⁸ Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.1 / Пер. с кит. Вяткина Р.В., Таскина В.С. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 415 с.

⁹ Лю Шаньчэн. Чжунго вэйци [Китайская игра вэйци]. Чэнду, Сычуань кэсюэ цзишу чубаньшэ, 1985. 1221 с.

геополитических и геокультурных представлений, идеи политической легитимности. Обоснованы гипотезы о взаимодействии стратегических парадигм и их соотнесении с конкретными геополитическими зонами.

2. Применена древнекитайская интеллектуальная игра вэйци в качестве аналоговой модели китайской геополитической картины мира, выявлена связь вэйци с китайской философской традицией и геокультурными представлениями, представлен анализ китайской геополитики в соответствии со стратегической парадигмой игры вэйци;
3. Обосновано обращение к играм в теории международных отношений и изучении стратегической культуры; предложена новая область исследований под названием «игровая геополитика»;
4. Проведён комплексный анализ влияния китайских культурно-философских оснований на современный внешнеполитический курс КНР.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Основные парадигмы китайской стратегической культуры формируются в эпоху Восточная Чжоу как развитие примитивных представлений древних китайцев об окружающей реальности: «практической моральности» как критерии легитимности, двухуровневой системе отношений с внешним «варварским» миром, склонности к самоизоляции и концентрически-сетевым представлением об универсуме.
2. В китайской стратегической культуре можно выделить 4 основные парадигмы, оказывающие влияние на современные китайские внешнеполитические решения: моральный изоляционизм, оборонительный пацифизм, милитаризм и культура стратегического партнёрства. Эти парадигмы в стратегической культуре соотносятся с

рассмотренными в диссертационном исследовании философско-культурными китайскими концепциями: философскими учениями (конфуцианство, моизм, легизм) и стратегической игрой вэйци. Выделенные парадигмы различаются между собой своими представлениями об этике войны и легитимности политического актора, формируют разные концептуальные матрицы межгосударственного взаимодействия, но исходят из одинаковых специфических геокультурных представлений о сакральности центра, важности периферии и расплывчатости границ. Можно отметить следующие тенденции в китайской стратегической культуре как системе парадигм: сильный уклон в сторону оборонительного пацифизма и теории справедливой войны, «практическая моральность» как критерий легитимности политического актора, акцент на экономической составляющей и самоусилении.

3. Парадигмы стратегической культуры тесно взаимодействуют между собой, но на любом этапе можно выделить ту из них, которой в конкретный момент отдаётся наибольшее предпочтение в связи с внешнеполитической обстановкой, внутривнутриполитическими факторами и иными причинами. Включение КНР в многополярную мирополитическую систему подразумевает не коренное изменение китайских геокультурных представлений о Поднебесной, но сдвиг стратегических предпочтений в сторону наиболее соответствующей парадигмы – парадигмы вэйци. В то же время в современной деятельности КНР встречаются элементы и других трёх стратегических парадигм: конфуцианской – в официальной риторике и идеологии КНР, её глобальных интеграционных проектах и послании мировому сообществу, моистской – в современных китайских военных концепциях и «оборонительной» риторике, легистской – в отношении Китая к внутренним проблемам.

4. Легистская парадигма может успешно применяться для подавления сепаратизма и радикализма потенциального «нового варварства» – национальных территорий в составе КНР, но происходит это ценой формирования негативного образа Китая как в западных странах, так и среди его ближайших соседей. В то же время крайне маловероятно, что Китая будет проводить экспансионистскую политику в духе легистской внешнеполитической философии на современной стадии международных отношений. Одним из наиболее вероятных катализаторов проведения такой политики может стать насильственная смена режима.
5. Моистская парадигма весьма успешно задействована в современной оборонительной концепции КНР, прежде всего в силу своего акцента на наукоёмкие оборонительные технологии и близость к идеалам социализма. В то же время её глобальная внешнеполитическая повестка слишком идеалистична, и она как испытывает на себе давление груза исторических неудач, так и в полной мере ощущает издержки китайской внутренней легистской политики.
6. Конфуцианская парадигма служит основой для современных китайских глобальных интеграционных проектов. Мирное конфуцианское самосовершенствование выступает в качестве послания Китая миру. В то же время у неё много слабых сторон: от ассоциаций с имперским мышлением, вновь малопривлекательным для китайских соседей, до полной неспособности избежать «столетия унижений».
7. Основные характеристики парадигмы вэйци – относительность антагонизма, специфическое представление о границах как об условных, расплывчатых и в то же время динамических рубежах; представления об относительном характере выигрыша; распространение влияния как ключевая стратегическая составляющая; акцент на тактике окружения и построении геополитических линий.

Парадигма вэйци также задаёт специфическое восприятие определённых паттернов в международных отношениях. Важную роль в региональной архитектуре безопасности играет паттерн «гунхо» как призма, через которую воспринимаются корейская и тайваньская дилеммы.

8. Обращение к игре при изучении стратегической культуры и геополитики обосновано, с одной стороны, ценностно-онтологическими культурными смыслами, заложенными в игре как в модели принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом пространстве; с другой стороны – повышению роли концепта «игра» в современных социальных процессах, обоюдном влиянии социального и игрового и необходимости изучить это влияние.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость работы заключается в том, что была предложена и обоснована альтернатива «догматическому» и не до конца отрефлексированному взгляду на китайскую стратегическую культуру, а также представлена и применена структурно-уровневая модель анализа стратегической культуры. Вместе с тем также была рассмотрена игра как отражение ценностей и пространственных представлений породившей её культуры, проведён анализ соотношения игрового и политического бытия в историческом развитии.

Результаты работы могут быть использованы как в теории стратегической культуры, так и при изучении китайской внешней политики, политической философии и культуры. Научное исследование может быть использовано для разработки рабочих программ дисциплин в области теории международных отношений и китаеведения.

Апробация. По теме работы написаны и опубликованы три научных статьи в изданиях из списка ВАК:

1. Геополитика великой доски вэйци // Международные отношения, №2, 2018. С. 193-204. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.2.26687
2. Игровая геополитика: «управление хаосом» Великой шахматной доски против «построения порядка» Великой доски вэйци // Век глобализации, №2, 2018. С. 57-71. DOI: 10.30884/vglob/2018.02.05
3. Этика войны Мо-цзы // Международные отношения, №3, 2018 (готовится к печати).

К печати также готовится сборник тезисов секции “Confucian Self-Cultivation as a Path Towards Being Human Conceptions Related to National, Global, and Human Security”, организованной фондом Sinological Development Charitable Foundation (SDCF) в рамках XXIV Всемирного философского конгресса (Пекин, 14 августа), в котором будет опубликована работа автора «Harmonizing the Game Universe: Weiqi as a Tool for Self-Cultivation».

Результаты работы также были апробированы в рамках научных стажировок автора по приглашению фонда SDCF:

1. 2016, 1 августа – докладчик на 1 Летней программе SDCF, Пекинский университет (доклад: “Chinese Understanding on the Ethics of Humanitarian Intervention”, в соавторстве с проф. Марсией Шмальц, А.М. Тараном, Ин Цзинцаем);
2. 2017, 8 августа – докладчик на 2 Летней программе SDCF, Пекинский университет (доклад: “The Game of Weiqi as a Philosophical and Cultural Matrix of Chinese Civilization”).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

1. Методологические пояснения к анализу философско-культурных оснований геополитики

В первой главе проводится анализ понятия «стратегическая культура», рассматривается академическая литература, посвящённая изучению этого вопроса, даётся краткий обзор существующих работ по китайской стратегической культуре, описываются их недостатки (выбор военных трактатов как источника анализа стратегической культуры¹⁰, чрезмерная фиксация на декларативном уровне¹¹, игнорирование философско-культурных оснований китайской геополитики¹², игнорирование фактов китайской имперской экспансии¹³). Предлагается структурно-уровневая модель стратегической культуры, состоящая из трёх взаимосвязанных аспектов: геокультурных и геополитических представлений (представления об окружающем мире, своём месте в нём, месте других культур и отношении к этим культурам), взглядов на войну (когда необходимо прибегать к войне и по каким правилам её вести), а также идей политической легитимности (какая именно инстанция может обладать легитимной властью в домашних и международных делах, каковы критерии этой легитимности). Выдвигаются гипотезы о сосуществовании стратегических парадигм при доминировании одной из них, а также о геополитическом измерении (территориальной преференции) стратегических парадигм. Обосновывается обращение к древнекитайской философии как к источнику парадигм китайской стратегической культуры; высказывается и обосновывается гипотеза об устойчивости стратегической культуры к изменениям. Наконец, рассматривается понятие игры в его геополитическом и геокультурном

¹⁰ Johnston A. Op. cit.

¹¹ Huiyun Feng. Chinese Strategic Culture and Foreign Policy Decision-Making: Confucianism, Leadership and War. NY: Routledge, 2007. 185 p.

¹² Scobell A. China and Strategic Culture. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2002. 39 p.

¹³ Tiejun Zhang. Chinese Strategic Culture: Traditional and Present Features // Comparative Strategy, Vol. 21, Issue 2, 2002. Pp. 73-90.

значении. Игра анализируется с точки зрения трансляции и воспроизводства культурных смыслов и ценностей своей родной цивилизации. Рассматривается тесное взаимодействие сфер игрового и политического, проявляющееся в частности в таких областях, как теория игр, политическая метафора, варгейминг, применение игровых методов в теории международных отношений, использование компьютерных игр и виртуальной реальности в пропагандистских целях. Предлагается введение новой области исследований на стыки между игрой и политикой под названием «игровая геополитика», посвящённой анализу принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом пространстве.

В первой главе сделаны следующие выводы:

1. Проблематика анализа китайской стратегической культуры обусловлена как новизной самой дисциплины и её незначительной теоретической фундированностью (что, в частности, проявляется в слабой изученности таких вопросов, как соотношение рационального и иррационального, характер взаимоотношения стратегических парадигм), так и неотрефлексированностью устоявшегося подхода к изучению китайской политико-стратегической мысли, заложенного А. Джонстоном; большая часть исследований китайской стратегии ограничивается рассмотрением динамики взаимодействия между конфуцианским «пацифистским» подходом и реализмом, представленном в военных трактатах; проблема мало представлена в отечественных научных трудах.
2. Нецелесообразно анализировать китайскую традиционную внешнеполитическую мысль с точки зрения западной теории международных отношений в духе Яна Сюэтуна¹⁴; нацелившись на синтез между двумя формами бытийствования и попытку разрешить проблемные места современных международных отношений при

¹⁴ Yan Xuetong. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power* / trans. by Edmund Ryden. Princeton University Press, 2011. 300 p.

помощи инаковости китайского подхода, такой анализ приведёт к искажению результатов исследования и мало что сможет сказать о специфике китайского процесса принятия стратегически важных решений.

3. Наиболее подходящими для анализа внешнеполитической деятельности играми являются игры, отвечающие следующим требованиям: а) обладание игровым полем; б) минимальная роль случая; в) пройденная проверка временем.

2. Формирование философско-культурных оснований китайской геополитики в эпохи Шан и Чжоу

Вторая глава рассматривает предпосылки возникновения парадигм древнекитайской стратегической культуры. Глава состоит из четырёх параграфов, каждый из которых раскрывает определённый аспект китайского социально-политического бытия во времена перехода от династии Шан к Чжоу, а затем к Цинь.

2.1 Древнекитайская политическая легитимность: Небесный Мандат и институт «история-политика»

В первом параграфе анализируется возникновение концепта Небесного Мандата как историческая необходимость, обусловленная свержением легитимного последнего правителя эпохи Шан-Инь и стремлением нового правящего дома обосновать своё право на власть. Рассматривается важнейшая для китайской политической культуры проблема сущности Неба как источника / гаранта легитимности, критически оцениваются «либеральная» и «консервативная» точки зрения на Небо, делается вывод о «моральной практике» как о главном критерии древнекитайской политической легитимности, прослеживается связь этого положения со значимостью практики для маоистской версии марксизма и идей Дэна Сяопина. Изучаются и другие аспекты китайского понимания легитимности: идеалистическое представление о легитимном акторе как о непременно

добродетельном, примат культурного над этническим. Рассматриваются тесно связанные с политической легитимностью институт «политика-история» и практика очернения последних правителей династий.

2.2 Анархия межгосударственных отношений эпохи Восточная Чжоу как стимул возникновения ключевых политико-философских учений

Во втором параграфе анализируется динамика межгосударственной системы Древнего Китая, прослеживается процесс эрозии правящего чжоуского дома (ван и цинши – гегемония – семь сильнейших) и децентрализации власти. Рассматриваются причины победы царства Цинь (выгодное геополитическое положение, интеллектуальный потенциал) и стратегии, приведшие её к доминированию в Поднебесной (ляньхэн, лицзянь, умелое использование недочётов стратегии балансирования, применяемой слабыми государствами против сильного). Выявляется существование двух противоположных тенденций в политической системе Восточной Чжоу: центростремительной и центробежной, политической дезинтеграции и экономической и культурной интеграции. Делается вывод о схожести между раздробленным чжоуским Китаем и современной анархией международных отношений, ставится вопрос о том, насколько вероятно использование Китаем легистского сценария на современном этапе.

2.3 Традиционные китайские геокультурные воззрения: хуася и варвары

В третьем параграфе рассматривается специфика представлений древних китайцев о мире и динамика их изменений на рубеже эпох Шан-Чжоу. Анализируются причины китайской замкнутости на своей цивилизации. Делается вывод о двухуровневой связи между древними шанцами и варварами: с одной стороны, геокультурная и геополитическая граница очерчена довольно чётко; с другой стороны, происходит трибализация соседних племён, которые включаются в систему отношений (*гуаньси*) с шанским домом. Рассматривается традиционная китайская модель

мира в виде сакрального центра, отходящих от него концентрических кругов и сетцентрических отношений между индивидами и народностями, а также первичные китайские геополитические выкладки, представленные в историко-политических трактатах «Шан шу» и «Го юй». Автор высказывает ряд предположений о причинах формирования мифологемы превосходства хуася над варварами, приведшей к китайскому самоизоляции: важную роль сыграло как формирование концепта Небесного Мандата, увязанного с добродетелью, так и относительная слабость древнекитайских политических образований. Анализируется специфика китайской девятиричной космографической традиции, прослеживается глубинная связь между мэнцзыанской идеей колодезных полей, китайскими магическими квадратами, структурой китайского города и тем самым закладывается база для последующего анализа игры вэйци как модели китайского универсума¹⁵.

2.4 Древнекитайская этика и практика войны

В четвёртом параграфе рассматривается эволюция древнекитайских взглядов на ведение войны. Будучи воспринятыми древнекитайским обществом в качестве замены жертвоприношений, войны были незамедлительно облагорожены и освящены влиянием добродетели-дэ, что привело к возникновению своеобразного рыцарского кодекса, которому следовала сражавшаяся аристократия. Большинство войн велось не ради расширения территории государства, но в качестве возмездия за нанесённое оскорбление. Автор исследования приходит к выводу, что в китайском обществе практически с древнейших пор огромную роль играет необходимость обоснования военной агрессии, причинами чему являются, во-первых, стремление чжоуского дома утвердить своё право на власть и укрепить своё положение, и, во-вторых, желание сдержать распространение анархичности межгосударственных отношений, вызванных всё более очевидным упадком Чжоу. В итоге была созданная рамочная концепция у-

¹⁵ Geography and Ethnography: Perceptions of the World in Pre-Modern Societies // ed. by Raaflaub K., Talbert R.. Blackwell Publishing, 2010. 376 p.

вэнь (жесткая сила-мягкая сила), приоритет в которой всегда отдавался несиловым методам воздействия. Положения древнекитайской этики войны были зафиксированы в одном из наиболее ранних исторических трактатов, «Шан шу», а затем и в работах китайских мыслителей. Даже несмотря на то, что с приходом эпохи Чжаньго началась эрозия этических норм, а на смену рыцарским аристократическим ритуалам пришли коварство стратега и жестокость легистского милитаризма, даже первый император династии Цинь счёл нужным выступить в оправдание своих военных походов¹⁶.

Во второй главе сделан следующий вывод: китайская философская традиция формируется в условиях, во-первых, всё более возрастающей анархичности международных отношений эпохи Чжоу; во-вторых, размывания этических норм («варваризации») на фоне интенсификации контактов с варварами и их включения в китайскую политическую систему («китаизировании») и ослабления центральной власти; в-третьих, отсутствия легитимных способов получения Небесного Мандата.

3. Парадигмы китайской стратегической культуры

В третьей главе проводится анализ течений древнекитайской философии и игры вэйци в соответствии с тремя уровнями стратегической культуры.

3.1 Китайская философия как кузница китайской стратегической культуры

Первый параграф посвящён рассмотрению основных черт древнекитайской философии, а также анализу проблематики её рациональности. Далее рассматриваются три течения китайской философии: конфуцианство, легизм, моизм.

3.1.1 Китайская философия: общая характеристика и проблематика рациональности

¹⁶ Kern M. The Stele Inscriptions of Ch'in Shih-huang: Text and Ritual in Early Chinese Imperial Representation. New haven, CT: American Oriental Society, 2000. 221 p.

Можно выделить следующие черты древнекитайской философии: историоцентризм, антропоцентризм, эволюционизм, органицизм, континуализм, процессуализм. Для китайской политической мысли также характерно отсутствие разделения на внешнюю и внутреннюю политику в соответствии с древнекитайскими геокультурными представлениями. В то же время многие исследователи утверждали иррациональный, мистический характер китайской философии, в связи с чем возникает вопрос о возможности её применения для анализа китайской внешней политики. Отсутствие в древнекитайской философии рациональности, понимаемой как логоцентрический наукоориентированный философский подход, объясняется спецификой китайского языка¹⁷, практикоориентированностью китайской философии¹⁸ и принятием конфуцианства¹⁹ в качестве идеологии; наконец, китайской философии иногда отказывают в возможности называться философией²⁰. Тем не менее, многие исследователи видят древнекитайскую рациональность в китайском коррелятивном мышлении и нумерологии. Последнее особенно важно с учётом анализа игры вэйци, возникшей под влиянием нумерологических учений.

3.1.2 Конфуцианство: мягкая сила самоизоляции

Для анализа конфуцианских внешнеполитических взглядов выбраны труды «Аналекты», приписываемые Конфуцию, и «Мэн-цзы». Несмотря на то, что Конфуций предпочитал говорить о вопросах правильного управления и самосовершенствования, на основе его высказываний можно выстроить его внешнеполитическую теорию: 1. Культурное превосходство Китая над варварами, которое должно конвертироваться не в военную мощь, а в мягкое воздействие, прежде всего через достижение успехов в самом Китае; 2.

¹⁷ Hackmann H.F. Chinesische philosophie. E. Reinhardt, 1927. 407 pp.

¹⁸ Fung Yu-Lan. Why China has no Science – an Interpretation of the History and Consequences of Chinese Philosophy // International Journal of Ethics, Vol. 32, No. 3, 1922. Pp. 237-263.

¹⁹ Dubs H.H. The Failure of the Chinese to Produce Philosophical Systems // T'oung Pao, Vol. 26, No. 2/3, 1928. Pp. 96-109.

²⁰ Чанышев А.Н. Начало философии. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. 184 с.

Признание необходимости войн для свержения недобродетельного правителя. Согласно другим источникам²¹, Конфуций также выступает за войну-возмездие, одобряет упреждающие удары по варварам, но приписывание этих взглядов Конфуцию сомнительно, поскольку они в большей степени соответствуют поздним конфуцианцам и динамике межгосударственного взаимодействия их эпохи. 3. Существование пяти типов политических акторов: от совершенномудрых правителей (идеальный правитель древности, полная политическая легитимность) до нелегитимных и недобродетельных правителей, подлежащих наказанию. Последних могут карать современные Конфуцию правители, следующие пути добродетели и являющиеся легитимными, и не могут карать те лидеры, которые являются легитимными в силу наследования, но не соблюдают норм конфуцианского учения. Кроме того, существуют ещё и нелегитимные правители, которые готовы прислушиваться к наставникам-мудрецам; они занимают промежуточное положение и в зависимости от искренности своих намерений могут как возвыситься (стать благородным мужем *цзюнь цзы*), так и перестать получать поддержку со стороны Конфуция. 4. Выделение ряда критериев в рамках *jus in bello*: подготовленность собственных войск, недопустимость геройствования.

Мэн-цзы развивает учение Конфуция, и поскольку живёт в более турбулентную эпоху, уделяет значительно больше внимания вопросам внешней политики и войны. Наиболее легитимные для Мэн-цзы акторы из современных ему получают название «слуга Неба» (*тянь ли*); они имеют право выступать в карательные походы против недобродетельных правителей. Мэн-цзы также допускает возвращение ранее аннексированных противником территорий и оборонительную войну в качестве правого дела. В то же время в мэнцзыанская теория крайне идеалистична: широко распространено представление о том, что наказание может осуществиться

²¹ Kam-por Yu. Confucian Views on War as Seen in the Gongyang Commentary on the Spring and Autumn Annals // Dao. March 2010, Volume 9, Issue 1. Pp 97–111.

бескровно, поскольку весь народ отвернётся от недобродетельного правителя. Этот идеализм проявляется и в дипломатической теории Мэн-цзы, которая призывает малые государства служить большим и при этом заниматься самоусилением и культивированием добродетели, что в итоге должно привести к «служению малых добродетелей большим добродетелям». Наконец, в области этики войны Мэн-цзы в дополнение к критериям *jus ad bellum* (правого дела и легитимной власти) артикулирует критерии *jus post bellum* о введении гуманного управления в завоёванном царстве.

3.1.3. Моизм: общий выигрыш оборонительного пацифизма

С точки зрения этики войны моистская парадигма наиболее близка к оборонительному пацифизму, хотя и обращается к некоторым элементам теории справедливой войны. Среди важнейших аспектов моистской внешнеполитической теории – акцент на высокотехнологичной обороне, недопустимость войны в отсутствие общепризнанного лидера, управляющего всей Поднебесной, идея «гуманитарной защиты» (создания специальных военных групп, отправляемых в зону боевых действий в целях защиты страны, на которую было совершено нападение), акцент на дипломатических средствах (убеждение противника в невыгодности атаки), идея всеобщей любви и взаимной выгоды, подразумевающая равенство и сотрудничество в международных отношениях.

3.1.4. Легизм: милитаристский разрыв с раннекитайским гуманизмом

Легистское учение значительно отходит от традиционных древнекитайских политических представлений. Легисты проповедуют милитаризм и наступательный реализм в области международных отношений: государства должны заниматься самоусилением, иначе будет расчленено. Самоусиление подразумевает экономическое развитие и военную экспансию; первое подкрепляет второе, а второе добывает новые ресурсы для первого. Поскольку от военных успехов зависит выживание государства, в войне позволительны любые средства: в ней нет места этике. Легитимность актора

как внутри государства, так и в международных отношениях определяется лишь тем, насколько он способен удерживать власть в своих руках. Легисты также отличаются от других современных им философских течений в том, что не выдвигают утопического идеала, к которому должно стремиться китайское общество, и тем самым представляют собой наиболее практикоориентированную школу. В то же время даже они признают необходимость соблюдения ряда международных норм.

3.2. Игра вэйци: модель принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом пространстве

Игра вэйци рассматривается с трёх точек зрения: как модель древнекитайского универсума, как педагогический инструмент китайских философов, как стратегическая игра, важная для китайской модели принятия внешнеполитических решений. Выявляется сходство вэйци с китайской девятиричной структурой бытия (девятиричной космографией) и с древнейшими китайскими геополитическими представлениями (сакральный центр и сетцентрическая модель *гуаньси*). Вэйци рассматривается в контексте теории китайского социолога Фэй Сяотуна²² о специфике китайской модели общества. Анализируется связь вэйци с китайской нумерологией, натурфилософией школы инь-ян, даосскими практиками, стратегическими идеями военной школы. Изучается противоречивое отношение китайской конфуцианской элиты к вэйци, рассматриваются трактаты, посвящённые критике игры, и ответ на эти трактаты в виде «Классики вэйци в XIII главах». Среди причин примирения вэйци и конфуцианства можно отметить то, что: 1. Конфуцианским учёным было сложно бороться с чем-то столь серьёзным, как игра; 2. Эклектичность конфуцианства позволила постепенно сгладить различия между философией вэйци и учением *жу-цзя*; 3. Игра могла служить в качестве эффективного инструмента для демонстрации конфуцианских положений; 4. Вэйци может

²² Fei Xiaotong. *From the Soil: The Foundations of Chinese Society*. University of California Press, 1992. 160 p.

рассматриваться в качестве модели китайского общества, контекстуально обусловленных отношений-лунь и сети гуаньси.

Вэйци может выступать в качестве отдельной стратегической парадигмы постольку, поскольку представляет собой модель принятия стратегических решений в культурно воспринимаемом пространстве. К работе обращались для анализа стратегии Мао Цзэдуна в Гражданской войне²³, исследования внешнеполитического курса коммунистического Китая²⁴ или анализа конкретных шагов КНР в проблемных регионах²⁵. Тем не менее, до сих пор не было фундаментального анализа вэйци как модели китайской геополитики. С учётом этого автор проводит сравнение основных категорий вэйци (территория и влияние) с категориями геополитики (геополе) и приходит к выводу об их значительной концептуальной близости. Рассматривается нестандартное для конфуцианской культуры данничества отношение к противнику как к партнёру. Игра анализируется как процесс одновременного самосовершенствования, который осуществляется в рамках специфических отношений-лунь между игроками и сопровождается обоюдным получением выгоды-ли. Среди стратегических характеристик вэйци можно назвать такие, как относительность победы, относительность антагонизма, стремление к максимизации собственной выгоды в долгосрочной перспективе, прагматизм (получение выгоды не сдерживается идеологическими соображениями).

Основной вывод третьего параграфа состоит в том, что в китайской политической мысли можно выделить по меньшей мере четыре отдельные стратегические парадигмы, три из которых сформулированы в древнекитайских философских учениях, а ещё одна – в игре вэйци. Эти парадигмы исходят из схожих геокультурных установок и делают акцент на

²³ Boorman S. The Protracted Game: A Wei-ch'i Interpretation of Maoist Revolutionary Strategy. New York: Oxford University Press, 1971. 256 p.

²⁴ Киссинджер Г. О Китае / пер. с англ. В.Н. Верченко. М.: АСТ, 2014. 635 с.

²⁵ Lai D. China's Strategic Moves and Counter-Moves // The US Army War College Quarterly Parameters. 2014. 44-4. Pp. 11–25.

значимости экономического фактора, но различаются по остальным своим параметрам.

4. Стратегические парадигмы в современной внешнеполитической деятельности КНР

Четвёртый раздел рассматривает применение стратегических парадигм в современной китайской геополитике. Раздел состоит из четырёх параграфов, в каждом из которых рассматривается конкретная стратегическая парадигма.

4.1. Легистская парадигма: профилактика возникновения «нового варварства» и утраты Небесного Мандата

Автор диссертационного исследования делает вывод о том, что легистская парадигма применяется Китаем по отношению к национальным территориям (Тибет, Синьцзян) и полуавтономным политическим образованиям (Гонконг) на его территории. Можно выделить следующие причины применения этой парадигмы: 1) Китайская периферия на протяжении всего существования китайской государственности постоянно подвергалась нападениям варварских племён, неоднократно доходивших и до центра китайского мира и разорявших его. В связи с этим стремление этнических меньшинств к большей автономии воспринимается как повторное появление традиционных китайских противников-варваров на территории Поднебесной. 2) Большую роль играет опыт «старшего брата» Китая, СССР. Как отмечает А. Габуев, при изучении причин распада СССР китайские политологи уделяют пристальное внимание процессам на окраинах Союза и приходят к выводу, что сепаратизма «можно было бы избежать, если бы Ленин и Сталин сразу сделали ставку на создание унитарного государства, а не сложной структуры квазиавтономных республик»²⁶. 3) Оказывают влияние современные мирополитические процессы и положение Китая в системе международных отношений. С одной стороны, озабоченность

²⁶ Габуев А. Гибель старшего брата // Россия в глобальной политике, №5, 2012. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Gibel-starshego-brata-15721> (дата обращения 02.05.2018)

китайских властей вызывает исламский радикализм и международный терроризм, пускающий корни в Синьцзяне; с другой стороны, западный дискурс о нарушении прав человека в проблемных регионах воспринимается как попытка подчинить китайского дракона, а внутригосударственные акторы, ратующие за демократические перемены – как агенты иностранного влияния.

КНР применяет следующие характерные для легистской парадигмы методы: китаизация населения как избавление от культурной и политической инаковости, миграция как инструмент контроля над территориями, единство войны и экономики, явленное в таком образовании, как *бинтуань*; система доносов и слежки за населением. В то же время некоторые из положений легистской парадигмы применяются Китаем на всей его территории (например, аресте правозащитников, жёстком подавлении протестных акций, преследовании членов секты Фалуныгун и т.д.), усилении цензуры и закручивании гаек, что объясняется боязнью китайского руководства утратить Небесный Мандат и быть свергнутыми. Тем не менее, при решении большинства этих вопросов легистские методы не являются предпочтительными.

По мнению автора, проявление легистской парадигмы в истории Китая было обусловлено следующими причинами: 1) Китайское государство длительное время находится в упадке, и его новым лидерам необходима радикальная смена курса для восстановления былого величия; 2) Китайское руководство ощущает необходимость легитимировать себя через успехи своей администрации и укрепить свою центральную власть. К примеру, отец ханьского У-ди был вынужден подавлять Восстание семи уделов (154 г. до н.э.); в начале правления Тай-цзуна была произведена попытка переворота (626 г.); Цяньлун столкнулся с восстаниями национальных меньшинств. 3) Существует очевидная внешняя угроза китайскому государству или его вассалам, против которой и ведётся борьба. В связи с этим наиболее

возможный сценарий проявления легистской политики на международной арене – насильственная смена нынешней китайской власти.

В то же время очевидны и ограниченность применения легистской парадигмы. Она требует значительного напряжения человеческого и экономического ресурса и в связи с законом убывающей предельной полезности не может использоваться на протяжении долгого времени. Она также нуждается в сильном харизматичном лидере и поддерживающей его бюрократии. С другой стороны, весьма маловероятной кажется возможность применения этой парадигмы в современной мирополитической системе, где деятельность одного государства сдерживается возможными контрмерами со стороны других государств. В связи с этим даже кратковременные вспышки военной агрессии в отношениях между КНР и Индией или КНР и Вьетнамом не привели к захвату новых территорий.

4.2. Моистская парадигма: активная оборона новых рубежей

В современной китайской политике моистская парадигма проявляется на двух уровнях: на уровне официальной риторики о пацифистском характере китайской культуры и на уровне китайской концепции обороны. В первую очередь это представление об «активной обороне», которая по сути представляет создание стратегически выгодного Китаю оборонительного ландшафта в критически важных для него областях (прежде всего в водных пространствах – акватории «четырёх морей», Тихом и Индийском океанах). Основные проявления концепции активной обороны – идея проекции влияния на «три островные гряды» и концепция A2AD, подразумевающая создание таких областей, вторжение в которые будет крайне невыгодно противнику в связи с нанесённым по нему ущербом. В рамках A2AD КНР осуществляет возведение «Великой подводной стены» и «Великой песчаной стены», продолжающих китайское восприятие внешнего мира из-за Великой Китайской стены. Важным элементом оборонительной стратегии становится акцент на наукоёмкие военные технологии (Программа 863). Автор также

прослеживает моистские влияния в китайской ядерной концепции «минимального сдерживания», отношении Китая к ряду наиболее проблематичных для него вопросов (например, корейской и тайваньской дилеммам), стратегии КНР в области частных военных организаций, стремлении Китая к проведению многосторонних военных учений.

В то же время моистская парадигма обладает рядом недостатков: 1. Моистская риторика в духе всеобщей любви едва ли подходит для современного мира, где государства явно не равны между собой, в связи с чем оборонительный характер китайского усиления воспринимается как попытка Пекина подчинить себе своих соседей. Особое напряжение в связи с этим возникает в китайских отношениях с Вьетнамом и Японией, которые особо чувствительны в связи с опытом исторического взаимодействия этих стран. В свою очередь военные учения, проводимые США с её восточноазиатскими партнёрами (Японией и Кореей), а уж тем более размещение комплексов системы ТНААД в регионе воспринимается Китаем как значительная угроза собственной безопасности, что приводит к очередному витку гонки вооружений. К сожалению, в рамках моистской системы не существует никакого стабилизатора, позволяющего разрешить дилемму безопасности. Во-вторых, в связи с этим моистская парадигма не может служить в качестве дорожной карты для китайской глобальной стратегии, поскольку с одной стороны слишком ориентирована на себя саму, а с другой слишком малоприспособлена для решения мировых проблем, поскольку не предлагает никаких конкретных путей достижения идеалов всеобщего равенства. В-третьих, она проигрывает конфуцианской парадигме, которая более прагматичная и гибкая в плане вопросов применения силы, в связи с чем китайская политическая элита исторически не уделяла моизму особого внимания. Единственным исключением из этого правила стало Движение самоусиления (1861-1895 гг.), попытка Китая противостоять западным державам, в рамках которого было создано множество предприятий, нацеленных на военное производство: фабрик, арсеналов, верфей; строились

железные дороги; производилась закупка западного вооружения; был сформирован Бэйянский флот. Тем не менее, в связи с политическими интригами внутри императорского двора и постепенной эрозией центральной власти, что вылилось в несогласованность командования армейскими частями, Китай так и не смог воспользоваться плодами своего самоусиления. В то же время современная КНР будет стремиться достичь успехов в наукоёмких военных технологиях, что даёт моистской парадигме второе дыхание и обуславливает необходимость её изучения.

4.3. Конфуцианская парадигма: недописанное послание Китая миру

Конфуцианская парадигма являлась главенствующей на протяжении всей китайской истории, что обуславливает интерес к ней со стороны современного китайского руководства. В настоящее время в Китае происходит конфуцианский «ренессанс», который обусловлен как стремлением КНР постулировать свою уникальную идентичность в ответ на угрозу западного мондиализма, желанием использовать активы своей «мягкой силы» и попыткой обеспечить социальную стабильность. Конфуцианская парадигма в настоящее время проявляется в китайской официальной риторике и духе китайских глобальных интеграционных проектов («Одного пояса, одного пути»), в китайской дипломатической деятельности и применении экономического и культурного рычагов. Важной модификацией стало добавление в конфуцианскую парадигму мягкой силы идеи об активном распространении китайского влияния среди варваров.

В то же время такая внешнеполитическая стратегия Китая сталкивается со множеством проблем. В связи с жёсткой политикой Пекина во внутренних делах любые его инициативы будут восприниматься с подозрением. У многих западных стран опасения вызывает деятельность Институтов Конфуция. Отмечается, что он отличается от других подобных культурных центров (например, немецкого Института Гёте) тем, что функционирует не

как отдельное учреждение, а как автономное образование внутри принимающих его университетов, а также тем, что это государственная организация. Подозрения вызывает и бурная инвестиционная деятельность Пекина, в том числе и в рамках его мегапроекта «Один пояс, один путь». Как утверждает известный американский эксперт в области китайской внешней политики Дэвид Шамбо, несмотря на многочисленные денежные вливания Китая, мировое сообщество не демонстрирует значительного улучшения отношения к нему. По мнению Шамбо, «мягкую силу нельзя купить – её можно только заработать», с чем у Пекина проблемы в связи с его авторитарной системой ²⁷. Безудержное вливание Китаем денег во всевозможные глобальные проекты вполне закономерно как попытка предотвратить новый крах конфуцианской парадигмы, и для гармонизации китайской деятельности в этой сфере нужно время.

Ещё одна проблема конфуцианской парадигмы заключается в том, что другие страны и их исследователи будут воспринимать Китай, следующий ей в своей внешней политике, сквозь призму его имперского прошлого. В прессе часто появляются заявления о том, что Пекин воспринимает международное сообщество как систему данников. Конечно, это касается в первую очередь отношений КНР с небольшими странами, но влияет также и на перцепцию Китая Россией и США. Неравенство стран, подразумеваемое конфуцианским учением, не особо сочетается с риторикой Пекина о духе Шёлкового пути²⁸. Более того, учитывая, что в ходе исторического развития китайской философской мысли произошло сращивание легизма и конфуцианства, у соседей КНР есть основания опасаться того, что конфуцианский дискурс служит лишь идеологическим прикрытием китайской экспансии. В связи с этим Китаю, заигрывающему с

²⁷ Shambaugh D. China's Soft-Power Push // Foreign Affairs, July/August 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push> (дата обращения 10.03.2018)

²⁸ Ключевые слова Китая: «Один пояс – один путь». Пекин, Издательство «Синь Шицзе», 2017. 169 с.

конфуцианством, необходимо проводить более тщательную работу по прояснению своей позиции.

Из неуверенности Китая во внешнеполитической логике конфуцианской парадигмы с одной стороны и из его стремления активно проводить противоположность этой политике с другой стороны проистекает ещё одна слабость этой парадигмы – несформированное внешнеполитическое измерение «китайской мечты». Любая китайская инициатива на международной арене ставит во главу угла принципы взаимодоверия, общего выигрыша, сосуществования и всеобщего процветания. Но сами эти принципы едва ли могут служить в качестве особой повестки, которую Китай несёт миру – все эти элементы присутствуют и в дискурсе других стран, часто противопоставляющих эти ценности идеалам американского мондиализма. Это лишь некая общая концептуальная схема современных международных отношений, создаваемая одновременно с исчезновением однополярного мира. Не совсем ясно, что именно «китайского» собирается привнести Китай в эту схему.

4.5. Парадигма вэйци: партнёрство в век геополитической неопределённости

По мнению автора, в настоящее время в связи как с издержками и историческими неудачами остальных парадигм, так и включением Китая в глобальные мирополитические процессы и его столкновением с нетипичной для себя международной конъюнктурой парадигма вэйци выступает в качестве основной, «рамочной» парадигмы, в рамках которой происходит попытка координации деятельности иных парадигм. Стратегическая суть вэйци состоит в создании в игровом пространстве при минимальном расходе ресурсов такой конфигурации своих камней, которая оказывает влияние на максимально возможную часть доски, обладает гибкостью, многофункциональностью и многовекторностью, задаёт направление

развития игры и ориентирована на максимизацию долгосрочной прибыли²⁹. Китай, мыслящий в духе вэйци, склонен к следующим шагам: 1) Построение стратегических «цепей» («Один пояс, один путь», «Жемчужная нить»); 2) Распределение ресурсов по максимально возможному пространству геополитической доски (китайские инвестиции в Африке, евразийские проекты, деятельность в Латинской Америке); 3) Очерчивание сферы влияния (моян) при помощи поставленных камней (проецирование влияния на Евразию и северную часть Индийского океана); 4) Удержание инициативы как приоритет в международных отношениях (Давосская речь Си Цзиньпина); 5) Ориентация на поиск многоцелевых ходов (шоуцзинь). Китайское присутствие в Афганистане, в какой бы форме оно ни проявилось, является таким многоцелевым ходом, поскольку нацеливается на решение множества задач: развития Синьцзяна; борьбы с сепаратизмом, исламским радикализмом и терроризмом, наркоторговлей как на своих восточных территориях, так и на территории Пакистана; обеспечения архитектуры безопасности на всём пространстве центральноазиатского региона; расширения возможностей по экономическому сотрудничеству со странами Центральной Азии и Ближнего Востока; диверсификации маршрутов Нового шёлкового пути; обеспечения энергетической безопасности³⁰. Важнейшее значение для китайского мышления в духе вэйци имеют стандартные последовательности и формы, встречающиеся в партии: динши и гунхо. Первая представляет собой равноценный стратегический обмен, чья выгода зависит от контекста; примерами этих форм в китайской стратегии становится сотрудничество КНР и Пакистана или сближение Китая и Филиппин. Второй паттерн – китайская версия «дилеммы безопасности», сформированная в таких вопросах, как Тайвань и Корея. Гунхо – такая ситуация, при которой две или более групп противников обладают общими

²⁹ Кочеров О.С. Геополитика великой доски вэйци // Международные отношения, №2, 2018. С. 193-204.

³⁰ Кочеров О.С. Геополитика великой доски вэйци // Международные отношения, №2, 2018. С. 193-204. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.2.26687

«степенями свободы», и если какая-либо из этих групп попытается напасть на другую, то займёт свою же предпоследнюю степень свободы и следующим ходом будет уничтожена. Игроки оставляют эту позицию нетронутой до конца игры. В гунхо (дословно переводится как «общая жизнь») существование обеих групп становится более важным, чем потенциальные выгоды от уничтожения одной из них. Согласно логике гунхо, мир на Корейском полуострове важнее ядерного разоружения.

Слабость китайской парадигмы вэйци заключается в том, что она наименее трудно усваиваема другими культурами в связи с объективными трудностями по изучению игры, что ведёт к искажению представлений о намерениях Китая. Более того, вэйци в отличие от других парадигм не может выступать в рамках китайского послания миру, поскольку не выходит за пределы упоминавшихся ранее тезисов о взаимовыгодном сотрудничестве и равноправии партнёров как путеводной карте нынешних международных отношений. Тем не менее, освоение вэйци крайне желательно для любой силы, стремящейся к стратегическому партнёрству с Китаем. Весьма вероятно, что в дальнейшем Китай будет стремиться объединить практическую направленность парадигмы вэйци с более чётко артикулированным «глобальным посланием» конфуцианства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате работы в соответствии с её целью и задачами выявлены основные парадигмы в стратегической культуре Китая, дан ответ на вопрос об их конфигурации на современном этапе, выявлены их основные сферы применения, высказаны гипотезы об их «активаторах». С другой стороны, на конкретном примере китайской стратегической культуры показана работоспособность трёхаспектной модели стратегической культуры, а также продемонстрирована актуальность изучения игровой стратегии в рамках теории стратегической культуры.

Безусловно, выявленная четырёхчленная концептуальная схема китайской стратегической культуры не является законченной. Вполне вероятно, что в китайской философии и культуре могут быть найдены и иные парадигмы, а при изучении китайской истории – пересмотрены результаты на традиционное соотношение стратегических парадигм и выявлены иные причины их использования. Главным намерением автора исследования было показать необъективность сложившейся в изучении китайской стратегической культуры практики трактовать её как бинарную систему и тем самым значительно упрощать её. Сконструированная в рамках работы модель китайской стратегической культуры может быть использована как дорожная карта при дальнейшем изучении таких вопросов, как диахронические изменения в китайской стратегической культуре, модификации китайской стратегической парадигмы в странах конфуцианского культурного региона (Япония, Корея), историческое и современное взаимодействие стран региона с учётом близости их стратегических культур; соотнесение стратегических парадигм Китая, России и США как важнейших акторов современных международных отношений.

Список использованной литературы:

1. *Алексеева Т.А.* Стратегическая культура: эволюция концепции // Полис, 2012, № 5. С. 130-147.
2. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2014. 702 с.
3. *Блумхен С.И.* «Большая игра» времён Чунь-цю // Общество и государство в Китае, №22-1, 2017. С. 36-67.
4. *Буров В.Г.* Китай и китайцы глазами российского учёного. М.: 2000. 206 с.
5. *Васильев Л.С.* Древний Китай. Том 1. Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.). М.: «Восточная литература» РАН, 1995. 379 с.
6. *Васильев Л.С.* Древний Китай. Том 2. Период Чуньцю (VIII – V вв. до н.э.). М.: «Восточная литература» РАН, 2000. 623 с.
7. *Васильев Л.С.* Древний Китай. Том 3. Период Чжаньго (V – III вв. до н.э.). М.: «Восточная литература» РАН, 2006. 679 с.
8. *Габуев А.* Гибель старшего брата // Россия в глобальной политике, №5, 2012. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Gibel-starshego-brata-15721> (дата обращения 02.05.2018)
9. Го юй (Речи царств) / пер. с кит. *В.С. Таскина*. М.: Наука-Восточная литература, 1987. 472 с.
10. *Гране М.* Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы / пер. с фр. *В.Б. Иорданского*. М.: Республика, Алгоритм, 2008. 528 с.
11. *Грачиков Е.Н.* Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М.: Издательство «Русайнс», 2015. 234 с.
12. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1. Философия / ред. *М.Л.Титаренко, Л.С. Переломов, В.Н. Усов, С.М. Аникеева, А.Е. Лукьянов, А.И. Кобзев*. М.: «Восточная литература» РАН, 2006. 727 с.
13. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия / ред. *М.Л.Титаренко, Б.Л.Рифтин, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов,*

- Д.Г.Главева, С.М.Аникеева.* М.: «Восточная литература» РАН, 2007. 869 с.
14. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. *М.Л.Титаренко, А.И.Кобзев, А.Е.Лукьянов.* М.: «Восточная литература» РАН, 2009. 935 с.
15. *Дэн Сяопин.* Избранное. Том 1 (1938-1965). Пекин, Издательство литературы на иностранных языках, 1995. 488 с.
16. *Иванов А. И.* Материалы по китайской философии. Введение: Школа Фа. Хань Фэй-цзы. СПб: Издание Факультета восточных языков ИСПБУ, 1912. 354 с.
17. История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Т. 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). От палеолита до V в. до н.э. / Гл ред. *С.Л. Тихвинский*, отв. ред. *А.П. Деревянко.* М.: Наука – Вост. лит., 2016. 974 с.
18. *Кайуа Р.* Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М: ОГИ, 2007. 304 с.
19. *Каменнов П.Б.* Китай: принципы активной обороны // Международная жизнь, №4, 2010. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/Kamennov_China_Active_Defence.pdf (дата обращения 20.07.2018)
20. *Кашин Б.В.* Развитие ядерных сил Китая: начало глубокой трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, выпуск 4, том 9, 2016. С. 77-94.
21. *Киссинджер Г.* О Китае / пер. с англ. *В.Н. Верченко.* М.: АСТ, 2014. 635 с.
22. Ключевые слова Китая: «Один пояс – один путь». Пекин, Издательство «Синь Шицзе», 2017. 169 с.
23. Книга правителя области Шан (Шан Цзюнь Шу) / пер. с кит. *Л.С. Переломова.* М.: Ладомир, 1993. 392 с.

24. *Кобзев А.И.* Учение о символах и числах в китайской классической философии. М.: Наука, 1993. 432 с.
25. Конфуцианское четверокнижие «Сы Шу»: китайский классический канон в русских переводах / отв. ред. *Л.С. Переломов*. М.: Вост. лит., 2004. 431 с.
26. *Кроль Ю.Л.* О традиционной китайской концепции «равных государств» // XV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч.1. М.: Наука, 1984. С. 128-134.
27. *Крюков М.В.* Неумолимый червь познания. Избранные мысли об истории и культуре Китая и России. М.: «Памятники исторической мысли», 2009. 680 с.
28. *Ломанов А.В.* Современная китайская концепция «мягкой силы» // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М., ИДВ РАН 2015. Стр. 13-61.
29. *Лукин А.В.* Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения, 2015. 792 с.
30. *Лю Шаньчэн.* Чжунго вэйци [Китайская игра вэйци]. Чэнду, Сычуань кэсюэ цзишу чубаньшэ, 1985. 1221 с.
31. *Лю Шаоци.* Избранные произведения. Т.1. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1984. 551 с.
32. *Мартынов А.С.* Традиционный китайский подход к внешнему миру // Страны и народы Востока, Вып. 20. М., Наука, 1979.
33. Мэн-цзы / пер. с кит. *В.С. Колоколова*. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. 272 с.
34. *Переломов Л.С.* Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М.: Стилсервис, 2009. 704 с.
35. *Плешаков К.В.* Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь, № 10, 1994. С. 30–39.
36. *Портяков В.Я.* Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН, 2015. 280 с.

37. Рыков С.Ю. Древнекитайская философия: Курс лекций. М.: ИФРАН, 2012. 312 с.
38. Рыхтик М.И. Стратегическая культура и новая концепция национальной безопасности США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. 2003, №1. С. 203-219.
39. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с.
40. Сунь Ижан. Мо-цзы цзянь гу [Доступное толкование Мо-цзы]. Пекин: Чжунхуа шуцзю, 2001. 762 с.
41. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т.1 / Пер. с кит. Вяткина Р.В., Таскина В.С. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 415 с.
42. Сыроежкин К.Л. Китай: военная безопасность. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2008. 268 с.
43. Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая: от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М.: Академия наук СССР, 1958. 295 с.
44. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии / Пер. с англ. Котенко Р.В. СПб: Евразия, 2000. 373 с.
45. Хаютина М.С. Приём беглецов в условиях мультигосударственной системы древнего Китая: предварительные наблюдения // Общество и государство в Китае, №39-1, 2009. С. 23-36.
46. Хёйзинга Й. Homo Ludens: опыт определения игрового элемента культуры / пер. с нидерл. Д.В. Сильвестрова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
47. Цзян Хао, Цянь Цзунъю. Цзинь гувэнь Шан шу цюань и [Современный полный перевод классической Книги документов]. Гуйчжоу жэнминь чубаньшэ, 2009. 371 с.

48. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2004. 590 с.
49. *Чаньшиев А.Н.* Начало философии. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1982. 184 с.
50. *Allan S.* The Shape of the Turtle: Myth, Art, and Cosmos in Early China. NY, State University of New York Press, 1991. 244 p.
51. *Axelos K.* Play as the System of Systems // *SubStance*. Vol. 8 (4), Issue 25, 1979. Pp. 20–24.
52. *Boorman S.* The Protracted Game: A Wei-ch'i Interpretation of Maoist Revolutionary Strategy. New York: Oxford University Press, 1971. 256 p.
53. *Booth K.* Strategy and Ethnocentrism. NY: Holmes & Meier Publishers, 1979. 191 p.
54. The Cambridge History of Ancient China / edited by *M. Loewe, E.L. Shaughnessy*. Cambridge University Press, 1999. 1149 p.
55. *Chang Kwang-chih.* The Archaeology of Ancient China. Yale University Press, 1977. 483 p.
56. *Dubs H.H.* The Failure of the Chinese to Produce Philosophical Systems // *T'oung Pao*, Vol. 26, No. 2/3, 1928. Pp. 96-109.
57. *Dueck C.* Reluctant Crusaders: Power, Culture, and Change in American Grand Strategy. Princeton: Princeton University Press, 2006. 224 p.
58. *Early Chinese Texts* // ed. by *M. Loewe*. Institute of East Asian Studies, 1994. 546 p.
59. *Fairbairn J.* Go Grades and Early Masters // *Go World*, No. 65, 1991. Pp. 58-64.
60. *Fei Xiaotong.* From the Soil: The Foundations of Chinese Society. University of California Press, 1992. 160 p.
61. *Fink E.* Play as Symbol of the World and Other Writings. Bloomington, Indiana University Press, 2016. 348 p.
62. *Fraser C.* Truth in Pre-Han Thought. 2016. URL: http://cjfraser.net/site/uploads//2016/10/Truth_Fraser_web.pdf (дата обращения 04.08.2018)

63. *Fung Yu-Lan*. Why China has no Science – an Interpretation of the History and Consequences of Chinese Philosophy // *International Journal of Ethics*, Vol. 32, No. 3, 1922. Pp. 237-263.
64. *Geography and Ethnography: Perceptions of the World in Pre-Modern Societies* // ed. by *Raaflaub K., Talbert R.*. Blackwell Publishing, 2010. 376 p.
65. *Graham A.C.* Disputers of the Tao: Philosophical Argument in Ancient China. LaSalle, Open Court, 1989. 502 p.
66. *Graham A.C.* Yin-Yang and the Nature of Correlative Thinking. Singapore, The Institute of East Asian Philosophies, 1986. 94 p.
67. *Gray C.S.* Out of the Wilderness: Prime-Time for Strategic Culture. July 2006 // *Comparative Strategic Cultures Curriculum: Assessing Strategic Culture as a Methodological Approach to Understanding WMD Decision-Making by States and Non-State Actors. Advanced Systems and Concepts Officer Final Report. 31 October 2006 / Ed. by Jeffrey A. Larsen. P.1–30* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.libreriamilitareares.it/BIBLIOTECA/BIBLIOTECA%20MILITARE%20DIGITALE/I.%20TRATTATI%20MILITARI/USA%20Central%20Poers%20-Comparative-Strategic-Cultures.pdf> (дата обращения 10.06.2018)
68. *Gray C.* Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back // *Review of International Studies*, Vol. 25, No. 1, January 1999. Pp. 49-69.
69. *Hackmann H.F.* Chinesische philosophie. E. Reinhardt, 1927. 407 pp.
70. *Henderson J.* The Development and Decline of Chinese Cosmology. NY, Columbia University Press, 1984. 331 p.
71. *Huiyun Feng.* Chinese Strategic Culture and Foreign Policy Decision-Making: Confucianism, Leadership and War. NY: Routledge, 2007. 185 p.
72. *Johnston A.* Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton: Princeton University Press, 1997. 322 p.

73. *Kam-por Yu*. Confucian Views on War as Seen in the Gongyang Commentary on the Spring and Autumn Annals // *Dao*. March 2010, Volume 9, Issue 1. Pp 97–111.
74. *Keightley D*. The Ancestral Landscape: Time, Space, and Community in Late Shang China (ca. 1200–1045 bc). Berkeley, Institute of East Asian Studies, 2000. 209 p.
75. *Keightley D*. The Shang State as Seen in the Oracle-Bone Inscriptions // *Early China*, Vol. 5, 1980. Pp. 25-34.
76. *Kern M*. The Stele Inscriptions of Ch'in Shih-huang: Text and Ritual in Early Chinese Imperial Representation. New haven, CT: American Oriental Society, 2000. 221 p.
77. *Kierman F.A., Fairbank J.K*. Chinese Ways in Warfare. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974. 576 p.
78. *Lai D*. Learning From the Stones: A Go Approach to Mastering China's Strategic Concept, Shi. Strategic Studies Institute, Carlisle Barracks, 2004. 35 p.
79. *Legge J*. The Chinese Classics: Translated into English. Vol. II. The Life and Works of Mencius. London, Trubner & CO, 1875. 402 p.
80. *Legge J*. The Chinese Classics: Translated into English. Vol. V. The Chun Tsew with the Tso Chuen. London, Trubner & CO, 1872. 933 p.
81. *Legge J*. The Sacred Books of China: The Texts of Confucianism. Part III. The Li Ki, I-X. Oxford, At The Clarendon Press, 1885. 484 p.
82. *Lewis M*. Sanctioned Violence in Early China. State University of New York Press, 1990. 374 p.
83. *Li Feng*. Landscape and Power in Early China: The Crisis and Fall of the Western Zhou, 1045-771 BC. Cambridge University Press, 2006. 405 p.
84. *Luttwak E.N*. Strategy and Politics: Collected Essays. New Brunswick, Transaction Inc., 1982. 328 p.
85. *Lynn J*. Battle: A History of Combat and Culture. NY: Basic Books, 2004. 464 p.

86. *Ma Xiaochun*. The Thirty-six Stratagems Applied to Go. Yutopian Enterprises, Santa Monica, 1996. 200 p.
87. *Pinckard W*. Go: The Immortal Game // Go World, No. 54, 1989. Pp. 13-18.
88. *Pinckard W*. Grand Minister Kibi and the Transmission of Go to Japan // Go World, No. 47, 1987. Pp. 6-9.
89. *Pines Y*. “The One That Pervades the All” in Ancient Chinese Political Thought: The Origins of ‘The Great Unity’ Paradigm” // T’Oung Pao, vol. 86, no. 4/5, 2000. Pp. 280–324.
90. *Ping-cheung Lo, Twiss S.B*. Chinese Just War Ethics: Origin, Development, and Dissent. Routledge, 2015. 320 p.
91. *Pipes R*. Why the Soviet Union Thinks It Could Fight & Win a Nuclear War / Commentary, July 1, 1977.
92. *Potter D.L*. Go in the Classics // Go World, No. 37, 1984. Pp.16-19.
93. *Potter D.L*. The Three Virtues of Go // Go World, No. 41, 1985. Pp.44-46.
94. *Scobell A*. China and Strategic Culture. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2002. 39 p.
95. *Scobell A*. China’s Use of Military Force: Beyond the Great Wall and the Long March. Cambridge University Press, 2003. 300 p.
96. *Shambaugh D*. China’s Soft-Power Push // Foreign Affairs, July/August 2015. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-06-16/china-s-soft-power-push> (дата обращения 10.03.2018)
97. *Shirk S*. China: Fragile Superpower. Oxford University Press, 2008. 320 p.
98. *Shotwell P*. Go in the Snow // Go World, No. 69, Autumn 1993. Pp. 45-51.
99. *Shotwell P*. The Earth, the Dead and the Darkness // Go World, No. 70, 1994. Pp.47-61
100. *Shotwell P*. The Game of Go: Speculations on its Origins and Symbolism in Ancient China. American Go Association, February 2008. URL: https://www.usgo.org/files/bh_library/originsofgo.pdf (дата обращения 17.06.2018). 62 p.

101. *Smith A.* The Game of Go: The National Game of Japan. Tuttle Publishing, 1989. 246 p.
102. *Snyder J.* 1977. The Soviet Strategic Culture: Implications for Nuclear Options. Santa Monica: RAND Corporation, 40 p.
103. Strategic Culture and Weapons of Mass Destruction: Culturally Based Insights into Comparative National Security Policymaking / edited by *J.L. Johnson, K.M. Kartchner, J.A. Larsen.* NY, Palgrave Macmillan, 2009. 285 p.
104. Strategic Power: USA/USSR / edited by *C. Jacobsen.* London, Palgrave Macmillan, 1990. 519 p.
105. *Tiejun Zhang.* Chinese Strategic Culture: Traditional and Present Features // Comparative Strategy, Vol. 21, Issue 2, 2002. Pp. 73-90.
106. The Prism of Just War: Asian and Western Perspectives on the Legitimate Use of Military Force / Ed. by *H.M. Hansel.* Routledge, 2010. 283 p.
107. *Tu Wei-ming.* Way, Learning, and Politics: Essays on the Confucian Intellectual. Albany: State University of New York Press, 1993. 226 p.
108. *Wolfers A.* Discord and Collaboration: Essays on International Politics. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. 283 p.
109. *Yan Xuetong.* Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power / trans. by Edmund Ryden. Princeton University Press, 2011. 300 p.
110. *Yunzhi Geng.* An Introductory Study on China's Cultural Transformation in Recent Times. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2015. 442 p.
111. *Zanon P.* The Opposition of the Literati to the Game of Weiqi in Ancient China // Asian and African Studies, 5, 1996. Pp. 70-82.